

родного духа, героическую и трудную страницу национальной истории приписать только лишь воздействию этих факторов, сознательно опустив субъективное отношение тысяч безвестных подданных португальской короны, искавших счастья в далеких землях и не оставивших после себя ни трактатов, ни записок о путешествиях, подобных хроникам или «Лузиадам» великого Камоэнса.

Мир, открывшийся глазам бесстрашных португальцев, изумил их своим причудливым многообразием. Восприимчивость к этому необычному миру португальского общества нагляднее всего проявилась в архитектуре и изобразительном искусстве. Под впечатлением увиденного за океаном в Португалии в начале XVI в. возник декоративно-архитектурный стиль, получивший название «мануэлину», по имени правившего в то время страной короля Мануэла Счастливого.

«Мануэлину» пришел на смену изящной португальской готике, вершиной которой считается монастырь Баталья, многое унаследовав от нее и многим обогатив португальское зодчество. Для «мануэлину» характерно воплощение безграничного мира в очень конкретных деталях — диковинных растительных орнаментах, канатах, колоннах-пальмах. Общий дух построек этого стиля монументален и изыскан. Свободные пространства между колоннами с беспрепятственно льющимся в интерьер светом создают единый прозрачный и легкий объем собора. В этом стиле выстроены башня в Белене, Капеллаш Имперфейташ, замок и собор в Томаре, монастырь Жеронимуш. «Мануэлину», специфически португальский стиль, был открыт влияниям и изменениям, но, несмотря на тесные контакты Португалии с Италией, мотивам заморского происхождения оказывалось безусловно предпочтение перед достижениями итальянской ренессансной архитектуры.

Эпоха короля Мануэла и Камоэнса — «золотой век» Португалии — была, видимо, последним временем, когда португальцы давали положительную оценку своему настоящему. В дальнейшем их взоры обращались либо в прошлое, либо в полное надежд и ожиданий будущее.